

Беззащитные

Эдуард Серюсов

Эдуард Сероусов

Беззащитные

<https://litres.ru/74125073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя Корецкая, учительница биологии, наконец-то ждёт первенца после долгих лет надежды. Её муж Илья — опытный инфекционист, и оба верят, что эра смертельных инфекций давно осталась позади. В этот момент биотехнологическая корпорация «Эгида» обещает миру конец болезней: живая бактерия должна навсегда вытеснить патогенов. Старая микробиолог Дана пытается предупредить, что вместе со щитом миру раздают невидимое оружие, — но её снова не слышат. Когда мальчик умирает от пустяковой царапины, а в реанимации одна за другой падают последние двери антибиотиков, Илья понимает: катастрофа уже здесь. Повесть о цене прогресса, о хрупкости медицины и о решениях, от которых зависит жизнь самых близких.

Содержание

Часть первая. Побеждённая чума	4
Часть вторая. Невезение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Сероусов

Беззащитные

Часть первая. Побеждённая чума

1

Мел крошился под пальцами, и линия выходила не сплошной, а пунктиром из пыли. Майя провела её через всю доску — от левого края к правому — и положила огрызок мела в жёлоб.

— Вот время, — сказала она, отряхивая ладонь о ладонь. — Слева раньше, справа сейчас. А теперь посмотрим, где живёт смерть.

Класс молчал так, как молчат в последний урок перед каникулами: вполуха, телом уже на улице. За окнами капало с карниза, и свет был тот ранний апрельский свет, в котором пыль над партами висит видимыми столбами.

— До этой черты, — она ткнула в левый конец, — порез на пальце мог вас убить. Заусенец. Заноза. Поцарапались о забор — и через неделю вас нет.

— Прямо так и нет? — это с задней парты, Тимур, который ничему не верил из принципа, потому что верить было скучно, а не верить — взросло.

— Прямо так. — Майя любила этот вопрос; она ждала его

каждый год и каждый год радовалась, что кто-нибудь догадается спросить. — Заражение крови. Бактерия попадает в ранку, размножается, расходится по всему телу. Температура сорок, потом падает давление, потом отказывают почки, печень, сердце. Сепсис. От него умирали короли. Умирали роженицы — здоровые молодые женщины, родившие здорового ребёнка, через три дня сгорали от родильной горячки. Врач переходил от больного к больному немытыми руками и разносил смерть, сам того не зная.

— Фу, — сказал кто-то с удовольствием.

— А потом? — Тимур.

— А потом, — Майя взяла мел и поставила на черте жирную точку, — один человек забыл вымыть чашку.

Она рассказала про плесень, про круг, в котором не росли бактерии, про то, как из забытой грязной посуды вышло вещество, спасшее больше людей, чем погубили все войны столетия. Она рассказывала это хорошо — она знала, потому что видела их лица: даже Тимур на секунду перестал быть взрослым.

— И вот здесь, — она перевела мел через точку, в правую половину, в их половину, — царапина — это пластырь. Ангина — пять дней таблеток. Аппендицит — режут, зашивают, через неделю вы дома. То, что убивало ваших прапрабабушек, для вас даже не страшно. Для вас это скукота. Вот что такое прогресс: когда смерть превращается в скуку.

Она сказала это и сама услышала, как красиво вышло, и

ей стало чуть-чуть неловко от собственной красоты, как всегда. Прозвенел звонок. Класс выдохнул и загремел стульями.

— На каникулы ничего не задаю, — сказала Майя в спины. — Дышите.

Когда они вышли, она ещё постояла у доски. Меловая пыль осела на пальцах тонкой второй кожей, и Майя смотрела на свою черту, на жирную точку посередине. На той точке всё делилось надвое — раньше и сейчас, грязные руки и чистые, смерть и пластырь.

Она не сказала им, что у неё была сестра.

Она вытерла доску. Линия исчезла под мокрой тряпкой, оставив серый размыв, и Майя стёрла и его.

2

Гель был холодный — он всегда был холодный, сколько бы раз медсёстры ни обещали подогреть. Майя смотрела в потолок, где кто-то наклеил постер с облаками, наверное, чтобы было куда смотреть, и держала Илью за руку.

— Не дышите... дышите, — сказала врач, вода датчиком.

Экран был развёрнут к стене, и Майя видела на нём только серую метель, в которой ничего нельзя разобрать, если не умеешь. Она умела немного — преподавала биологию двенадцать лет, знала, как выглядит сердце на четырёхкамерном срезе, — но своё читать не умела, своё было слишком близко.

Две полоски она помнила до сих пор. Восьмой тест за два

года. Семь до него врали или говорили правду, что было ещё хуже. После уколов в живот по расписанию будильника, после слова «эмбрион», которое они научились произносить как имя, после двух разговоров, которые она запретила себе вспоминать, потому что в них они оба сказали то, что говорят люди, переставшие надеяться, — после всего этого две полоски. Она сидела тогда на полу в ванной и не плакала, а просто дышала, как учили, и не верила, и проверяла ещё раз, держа тест под лампой.

— Вот, — сказала врач и повернула экран.

И вот оно билось. Быстрое, частое, чужое и её — мелькающая точка света в серой метели, сердце размером с горошину, делающее по сто шестьдесят ударов в минуту, потому что ему пока некуда спешить, кроме как жить.

Илья сжал её пальцы. Майя посмотрела на него и увидела, что он, инфекционист с двадцатилетним стажем, человек, видевший всё, смотрит на экран как мальчишка.

— Срок хороший, — сказала врач. — Двенадцать недель. Всё, что надо, на месте. — Она помолчала и добавила осторожно, как добавляют после ЭКО: — Дальше уже спокойнее.

Дальше уже спокойнее. Майя вышла из кабинета с этим словом — «безопасный срок», так его называли, тот рубеж, за которым уже почти можно выдохнуть, почти можно сказать вслух. Она решила: классу — после. После каникул, когда будет наверняка. Сейчас рано говорить кому-нибудь, что внутри тебя завелась жизнь, которую ты два года выпраши-

вала у мира.

Безопасный срок. Она катала слово на языке всю дорогу до машины и не знала ещё, как скоро оно перестанет что-нибудь значить.

3

Дома Илья говорил по телефону, прижав трубку плечом, и щёлкал ручкой — туда, обратно, туда. Этот щелчок Майя слышала пятнадцать лет. По нему она могла, не глядя, сказать, врёт он или думает, скучает или решает.

— Да послушайте, ну какая ангина, — говорил он весело, тем своим врачебным голосом, в котором даже плохая новость звучала пустяком. — Горло красное? Температура есть? Ну вот видите. Я вам сейчас выпишу — пропьёте пять дней, и к выходным забудете, что болели. Имя-отчество продиктуйте.

Звонила соседка по даче, или дальняя родня, или родня знакомых — у Ильи всегда кто-нибудь звонил. Он был хороший врач и хороший человек, и из этих двух вещей складывалась третья: он не умел отказывать. Болит — на тебе таблетку. Боится — на тебе таблетку. Проще выписать, чем объяснять, почему не надо; проще дать, чем смотреть, как человек уходит в тревоге.

— Записал. Аптека на углу, скажете — от Корецкого. Всё, выздоравливайте, не благодарите. — Он положил трубку и щёлкнул ручкой в последний раз, ставя точку. — Господи, люди.

— Это кто? — спросила Майя из кухни.

— Да Витькина тёща. Першит у неё. — Он подошёл, обнял сзади, положил ладонь ей на живот — рано ещё было, ничего там не прощупывалось, но он клал, привыкал. — Ну что наша горошина?

— Сто шестьдесят, — сказала Майя. — Скачет.

— Боец. — Он уткнулся ей в макушку. — Весь в мать.

Майя накрыла его руку своей. Ей было тепло, и она не думала ни о какой ангине, ни о каком рецепте, выписанном по телефону человеку, которого Илья ни разу не видел, без анализа, без осмотра, просто чтобы перестало першить, чтобы перестали звонить. Это было так обычно, что не существовало. Не злодейство — усталость, доброта, конец дня. Из такого, по капле, и складывалось то, чему ещё не было названия.

— Есть будешь? — спросила она.

— Угу.

Он сел за стол и всё крутил ручку в пальцах, бессмысленно, и щелчок шёл и шёл, как метроном, отсчитывающий что-то, чего они оба пока не слышали.

4

Вечером телевизор сам себя включил на новостях — Илья любил фон, шум жизни, пока ел.

— ...революция, которая, по словам разработчиков, окончательно закрывает главу человеческой истории, открытую Флемингом, — говорил диктор, и Майя, уносившая тарелки, остановилась на слове «Флеминг», потому что утром писала

это имя на доске. — Компания «Эгида» объявила о завершении испытаний препарата, который её основатель называет не лекарством, а концом самой болезни.

На экране был зал, белый и светлый, как операционная, и человек на сцене — немолодой, в простом сером свитере, без галстука, с лицом скорее проповедника, чем дельца. Он говорил тихо, и зал слушал так, что слышно было, как он дышит.

— Мы семьдесят лет лечили инфекции, — говорил Эзра Вон, и снизу шла строка с переводом. — Семьдесят лет давали бактериям яд и смотрели, как они учатся его пить. Это была война, и в этой войне мы проигрывали — медленно, но проигрывали, и все честные люди в этом зале это знают. — Он сделал паузу. — Мы решили перестать воевать. Мы не лечим инфекции. Мы делаем их невозможными.

Зал встал. Майя стояла с тарелками в руках и смотрела, как взрослые люди в белом аплодируют человеку, обещавшему отменить смерть, и ей было неудобно — не от слов даже, а от лиц, от этого восторга, в котором не было ни одного сомневающегося.

— Громко, — сказала она.

— Шарлатанство, — сказал Илья, не отрываясь от еды. — Дорогое красивое шарлатанство. Живая терапия, бактерия против бактерий. Лет десять про неё трубят.

Сюжет сменился. На экране появилась пожилая женщина — седая, прямая, с лицом, на котором было написано, что

её спрашивают не о том, о чём она хотела бы говорить.

— Не все разделяют энтузиазм, — сказал голос за кадром с той лёгкой улыбкой, с какой говорят о городском сумасшедшем. — Профессор Дана Рейес много лет предупреждает о, как она это называет, «закате эры антибиотиков». Сегодня её прогнозы звучат особенно...

— ...вы вкладываете оружие в руки всем сразу, — говорила женщина, и её обрывали, монтировали, она не успевала закончить фразу и оттого казалась суетливой, неправой. — Вы создали идеальный механизм передачи устойчивости и собираетесь раздать его...

Илья встал, взял пульт и выключил звук.

Не телевизор — звук. Картинка осталась: женщина беззвучно шевелила губами, и под ней бежала строка, которую теперь некому было читать.

Майя смотрела не на экран. Она смотрела на мужа.

Он стоял с пультом в руке, и лицо у него было не скучающее, как минуту назад, не насмешливое. Оно было закрытое. Так закрывается лицо, когда называют имя, которое человек давно убрал из памяти и не хотел оттуда доставать.

— Ты её знаешь, — сказала Майя. Не вопрос.

— Знал. — Илья положил пульт. — Давно. Преподавала у нас. — Он помолчал и щёлкнул бы ручкой, будь она в руке, но руки были пусты. — Хороший был учёный. Жалко.

— Почему жалко? Она вон живая, выступает.

— Потому что, — Илья пошёл к раковине с тарелкой, спи-

ной к ней, — есть люди, которые умеют испортить любой праздник хорошим прогнозом. Дана это умела лучше всех. Накаркает беду — и стоит счастливая, что одна была права. — Вода зашумела. — Пойдём спать. Поздно.

Майя осталась в комнате. На беззвучном экране женщина закончила наконец свою фразу — никто её не услышал, и сама женщина, кажется, давно перестала надеяться, что услышат, — и сюжет сменился погодой.

Майя выключила телевизор. В тёмном стекле отразилась она сама, с ладонью на ещё плоском животе, и за спиной — кухня, тёплая, обычная, безопасная. Безопасный срок, подумала она. Дальше уже спокойнее.

Она пошла спать и долго не могла уснуть, слушая, как за стеной капает с карниза в темноте — ровно, по капле, как метроном.

Часть вторая. Невезение

1

Мальчику было одиннадцать, и он упал с велосипеда.

Илья читал карту, стоя в дверях реанимации, и в карте всё было настолько обыкновенно, что не складывалось с тем, что он видел на койке. Содранное колено. Ребёнок ободрал колено об асфальт три дня назад — мать промыла, заклеила, забыла. На второй день поднялась температура. На третий его привезли с давлением, которое монитор показывал красным, и кожей того особого серого цвета, который Илья за двадцать лет научился узнавать раньше всех приборов и ненавидел узнавать.

— Что даём? — спросил он.

— Всё, — сказала Люда.

Люда работала в реанимации дольше Ильи и говорила мало, и если Люда сказала «всё», это значило всё: широкий спектр с порога, потом, когда не пошло, второй эшелон, потом то, что вешают, когда не помогает второй.

— Посевы?

— Растёт. — Люда кивнула на монитор. — Всё растёт, доктор. Кроме давления.

Илья подошёл к койке. Мальчик был без сознания, дышал часто и мелко, аппарат дышал за него наполовину. Под простынёй угадывалось маленькое тело, ещё детское, с тор-

чащами ключицами, и нога с белой повязкой на колене — глупая царапина, из-за которой всё это, — не складывалась с трубками, с двумя капельницами, с катетером.

— Это что, — сказал кто-то сзади тихо, не Илье, себе, — он от коленки?

Илья не обернулся. Он смотрел на цифры антибиотикограммы, которые медсестра держала перед ним, и цифры были неправильные. Не «тяжёлый случай» неправильные. Просто неправильные. Препарат, к которому этот микроб обязан был быть чувствителен — обязан, по всем книгам, по всему, что Илья знал, — стоял с пометкой R. Резистентность. И следующий. И тот, что вешают последним, когда не остаётся ничего, — Илья сам назначил его утром, своей рукой, — тоже теперь стоял с буквой R, потому что за ночь стало ясно: он не работает.

— Поднимай давление, — сказал Илья. — Зови хирургов, пусть смотрят, нет ли ещё очага. И готовьте резерв.

— Резерв повешен, — сказала Люда. — С ночи. Это он и есть. — Она показала на капельницу, на ту самую, что капала в мальчика прозрачным, ровно, бессмысленно. — Это последнее, доктор.

Илья смотрел, как капает. Капля набухала, отрывалась, падала, и в этой капле было лекарство, которое стоило как чугунный мост и не делало ничего, потому что бактерия, размножившаяся сейчас в крови одиннадцатилетнего мальчика, упавшего с велосипеда, читала это лекарство как воду.

Монитор сменил тон. Не тревога ещё — предупреждение, та первая нота, после которой набегают.

— Давление, — сказала Люда ровно, и началось.

Они работали сорок минут. Илья делал всё, что умел делать лучше большинства живущих, и команда делала всё, и техника — самая дорогая в городе, по последнему слову — гудела, считала, нагнетала, и в этой светлой реанимации, набитой приборами стоимостью с небольшой город, одиннадцатилетний мальчик умер от содранной коленки в восемнадцать сорок, тихо, как умирали до Флеминга, как будто никаких приборов не было вовсе.

В коридоре сидела мать. Илья шёл к ней и думал, что скажет, и не находил, потому что сказать было нечего из того, что говорят. «Мы сделали всё возможное» — он сделал. В этом и был ужас. Он сделал всё возможное, и всё возможное оказалось ничем.

2

— Резистентный штамм, — сказал Полонский. — Бывает. Не каждый день, но бывает. Внутрибольничная флора, селекция, сами знаете.

Они стояли в кабинете главврача — Илья, Полонский и заведующая лабораторией, — и Полонский говорил то, что было правдой и одновременно ложью, как бывает правда, которую произносят, чтобы не произносить другую.

— Не сходится, Лев Маркович, — сказал Илья. — Чувствительность была. Я смотрел старые посевы по отделению.

Месяц назад этот же микроб брался всем подряд. А сейчас не берётся ничем.

— Микробы меняются.

— Не так быстро. Не за месяц. Не сразу ко всему.

Полонский снял очки и потёр переносицу. Он был немолод, устал и больше всего на свете хотел, чтобы это оказалось невезением — одним тяжёлым случаем, печальным, редким, из тех, что бывают и о которых не пишут в газеты.

— Илья Андреевич, — сказал он мягко. — Мальчика жалко. Очень жалко. Но один случай — это один случай. Давайте не будем из одного случая делать... — он поискал слово, — эпопею.

И в эту секунду в дверь постучали, и вошла Люда, и по лицу её Илья понял всё ещё до того, как она сказала.

— Второй, — сказала Люда. — В хирургии. Аппендицит, плановый, прооперировали вчера чисто. Сегодня температура, давление падает. — Она помолчала. — Посев такой же, доктор. Один в один.

Полонский надел очки.

— С предыдущим он связан? — спросил он, и в голосе была последняя надежда: одна палата, один источник, одна цепочка, которую можно разорвать, помыть, закрыть карантинном и забыть. — Контакт был? Одно отделение?

— Никак, — сказала Люда. — Разные этажи. Разные люди. Мальчик с улицы, этот после операции. Ничего общего. — Она посмотрела на Илью. — Кроме посева.

Кроме посева. Два человека, никогда не встречавшиеся, в разных концах больницы, с разными болезнями — и две бактерии, тоже разные, тоже друг друга не знавшие, вдруг устойчивые к одному и тому же, одинаково, до буквы. Как будто кто-то прошёл ночью по палатам и раздал всем одно и то же оружие.

— Карантин на оба отделения, — сказал Полонский. — И... — он посмотрел на Илью, — давайте пока без шума. Разберёмся — тогда. Незачем людей пугать раньше времени.

«Раньше времени» — Илья запомнил это. Потом, много позже, он будет вспоминать, сколько времени украло у всех вот это «раньше времени», сказанное усталым неплохим человеком, который просто не хотел, чтобы оказалось правдой то, что было правдой.

3

Костя ловил его в коридоре, чтобы показать фотографию. — Доктор Корецкий! Секунду! — Он догнал, на ходу разблокируя телефон с треснутым углом экрана. — Вот, гляньте. Месяц вчера исполнился.

На фотографии был младенец — красный, мятый, сердитый, как все они в этом возрасте, в шапочке набекрень. Костя смотрел на экран так, будто там не его собственный ребёнок, которого он видел утром, а чудо, заново случающееся каждый раз, когда он открывает телефон.

— Орёт по ночам — соседи скоро милицию вызовут, — сказал Костя счастливо. — А я, представляете, не злюсь.

Просыпаюсь — и не злюсь. Думал, буду, а не злюсь.

— Не выспишься — будешь, — сказал Илья. Он любил Костю и за это любил — за глупое сияющее счастье, которое тот таскал по отделению, как фонарь.

Костя был лучшим из ординаторов, каких Илья видел за годы, и худшим в одном смысле: он всё делал правильно. Слишком правильно. Он мыл руки так, что Илья однажды засёк его перед раковиной с секундомером. Он знал гайдлайны наизусть и цитировал их, когда нервничал, а нервничал он, делая что-нибудь впервые, и тогда из него сыпались протоколы, как из учебника.

— Костя, — сказал Илья. — По хирургии второй пошёл. Посмотри карты, оба. И посевы. Только... — он не знал, как сказать, чтобы не напугать мальчишку, у которого месяц назад родился сын. — Аккуратно. Перчатки, всё. Хорошо?

— Я всегда аккуратно, — сказал Костя без обиды, с гордостью даже. — Вы же знаете. Я по протоколу. — Он убрал телефон в карман, к сердцу, и пошёл за картами, и в спине у него была та лёгкость, та уверенность, которую даёт человеку вера, что если делать всё правильно, то ничего плохого с тобой не случится.

Илья смотрел ему вслед и не знал ещё — не мог знать, — что смотрит на самого себя двадцать лет назад. На мальчика, который верил в протокол, в чистые руки, в систему, в то, что компетентность защищает. Илья тоже когда-то так верил. Потом перестал, незаметно для себя, и не заметил, как

и когда вера ушла, оставив вместо себя привычку. Костя ещё верил. Костя нёс свою веру по коридору, как фонарь, и фонарь освещал ему путь прямо туда, куда не надо было идти.

4

Ночью Илья остался в больнице.

Он сказал Майе по телефону, что дежурство, и это было почти правдой — дежурным он не был, но домой не мог. Он сидел в лаборатории, перед ним лежали распечатки антибиотикограмм, и он раскладывал их рядами, как пасьянс, который не сходился.

За три дня — десять. Сначала двое, потом, когда сняли «без шума» внутри отделений и начали смотреть, оказалось больше. Десять человек, между которыми не было ничего общего: возраст от мальчика до старика, болезни от родов до перитонита, палаты по всем этажам. И десять бактерий — Илья перепроверил видовую принадлежность дважды, разбудив заведующую лабораторией, — десять разных бактерий. Кишечная палочка. Клебсиелла. Синегнойная. Разные роды, разные семейства, бактерии, отстоящие друг от друга дальше, чем человек от рыбы.

И у всех десяти — один и тот же набор устойчивости. Не похожий. Один и тот же. Буква в букву, столбец в столбец: R, R, R, по всем классам, до последнего резерва — везде одинаковое красное R, как будто кто-то взял трафарет и приложил его к десяти разным организмам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.